

Бареебина Наталья Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент

Кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, e-mail: svirel23@rambler.ru

Natalia S. Varebina

PhD in Linguistics, Associate Professor

Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation, e-mail: svirel23@rambler.ru

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Аннотация. Статья представляет собой попытку рассмотреть данные исследований топонимии региона Прибайкалья с точки зрения лингвоэкологии. Географические названия региона представляют значительный интерес в различных аспектах лингвистического знания, но еще не рассматривались в лингвоэкологическом ключе. Этим объясняется актуальность темы работы. Для демонстрации основных путей развития региональной топонимики в лингвоэкологическом аспекте приведена классификация соответствующих подходов. Данная классификация включает интерпретацию четырех линий исследований: символическая, естественная, социокультурная и когнитивная экология языка [1]. В статье последовательно приводятся данные работ по изучению топонимического материала, в которых эксплицируются идеи эколингвистики по четырем указанным линиям. Выявленные в рамках статьи тезис о системности топонимии, представление о сосуществовании языков в рамках определенной географической области, эксплицируемые топонимические апеллятивы в соответствующей лексике, требуют осмысления в лингвоэкологическом аспекте. Основной вывод статьи заключается в том, что региональные топонимы являются экологически значимыми лингвистическими объектами. Статья может представлять интерес при исследовании вопросов журналистской практики в контексте формирования современной медиасреды.

Ключевые слова. Экологичность топонимов, лингвоэкология, Прибайкалье, топонимическая система.

Информация о статье. Дата поступления 27 марта 2017 г.; дата принятия к печати 05 июля 2018 г.; дата онлайн-размещения 10 июля 2018 г.

LINGUOECOLOGICAL ASPECT OF STUDYING THE TOPONIMIC LEXIS OF THE BAIKAL REGION

Abstract. The article is an attempt to examine data from toponymic studies of the Baikal region from the linguoecological point of view. Geographical names of the region are of considerable interest in various aspects of linguistic knowledge, but have not yet been considered in the linguoecological context. This determines the relevance of the study. To demonstrate the main ways of developing regional toponymy in the linguoecological aspect, we bring a classification of the corresponding approaches. This classification includes interpretation of four research lines: the symbolic ecology of language, the natural ecology of language, the sociocultural ecology of language and the cognitive ecology of language [1]. Having presented this classification, we trace the ideas of ecolinguistics on aforesaid lines in the data of regional toponymic material research. Identified within the framework of the article the thesis of the systemic toponymy, the idea of the coexistence of languages within a certain geographical area, explicated toponymic appellatives of the appropriate lexis, require a comprehension in the linguoecological aspect. The main conclusion of the article is that regional toponyms are ecologically significant linguistic objects. The article can be of wide interest while investigating issues of journalistic practice in the context of the modern media environment formation.

Keywords. Ecology of toponyms, linguoecology, the Baikal region, toponymic system.

Article info. Received March 27, 2017; accepted July 05, 2018; available online July 10, 2018.

Региональная топонимия Прибайкалья как объект научного исследования

Географические наименования Прибайкалья, являясь особой частью ономастической лексики, вызывают научный интерес в весьма разных лингвистических аспектах. Это объясняется тем, что практически вся территория юга Западной Сибири, Южной Сибири, Прибайкалья и Забайкалья представляет собой область интенсивных этнокультурных контактов тюркских, монгольских, самодийских, енисейских, тунгусо-маньчжурских народов. Исторические события конца XVII–XVIII вв., связанные с притоком русскоязычного населения, также нашли отражение в системе географических

названий Прибайкалья. Изучение топонимики региона дает возможность реконструкции праязыков, исследования формирования групп и семей языков; этот подход дает возможность анализировать законы развития языка, установить связь с другими языками, исследовать языковые явления в синхронии и диахронии.

В целом, можно сказать, что научное описание топонимии Прибайкалья идет в общем русле традиций ономастических исследований, имея хорошо разработанный методологический, теоретический и терминологический аппарат. При этом обширный эмпирический материал, эксплицирующий идею о включенности языка в окружающее пространство,

еще не находился в фокусе лингвоэкологических изысканий. Этим объясняется актуальность и новизна настоящего исследования. Дополнительным аргументом в пользу этого утверждения является констатируемая А. В. Суховерховым тенденция, состоящая в том, что современные эколингвисты склонны пересматривать предшествующие лингвистические традиции. Эту тенденцию ученый связывает с переосмыслением лингвистических представлений, гипостазирующих язык как абстрактную, идеализированную и автономную систему, и рассмотрением языка как гетерономной системы, которая является частью (результатом) природной среды, культуры, процессов познания и других прагматических аспектов, определяющих ее динамику и развитие [2, с. 166]. Как явствует из вышесказанного, исследование по региональной топонимике могут развиваться в эколингвистическом ключе.

Постановка вопроса и методология исследования

Не вызывает сомнений то, что всестороннее и комплексное изучение географических названий является непосредственной задачей топонимики, где, как отмечает А. Ю. Карпенко, извлечение исторических, географических и лингвистических выводов есть «побочный продукт» [3].

В этой части статьи проясним свою исследовательскую позицию. Наша работа представляет собой извлечение лингвистических выводов в проекции на эколингвистику посредством теоретических обобщений, вписываясь в контекст исследований свойств информационного

пространства и медиасреды. Значимость изучения топонимики журналистами признается многими авторами. Например, А. В. Рыжов отмечает, что «тележурналист выступает своего рода хранителем социотерриториальных особенностей языка как элемента культуры (орфоэпических, лексических, стилистических и пр.)» [4, с. 173]. Н. В. Перфильева, Н. В. Новоспасская и Ф. Да Сильва, исследуя информационный компонент топонимов, обосновывают значимость их изучения журналистами, пишущими о стране, спецификой этноса, его культурными и историческими традициями, которые прямо или косвенно находят отражение в топонимах [5, с. 191].

Материал нашего исследования составили географические названия территорий Прибайкалья, Иркутской области и Забайкальского края, отобранные методом сплошной выборки из словарей топонимов, научных статей, диссертационных исследований [6–11]. Отметим также, что исследуя топонимический материал, мы исходили из выводов, сделанных П. Б. Балданжаповым, об общности исторического развития народов Сибири [12]. Итак, основная цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть предпосылки исследований топонимии Прибайкалья в эколингвистическом ключе и рекомендовать стратегию дальнейших исследований в этой области.

Эколингвистические исследования. Эколингвистика как область гуманитарного знания в настоящее время находится на стадии методологического становления, в том числе, по части разработки терминологического аппарата. Исследова-

ния ведутся в отношении различных процессов, явлений и объектов. Различны и взгляды ученых к решению научных проблем в этой области. Подробные обзоры с анализом предпосылок и подходов можно найти в отечественных и зарубежных публикациях [13; 14]. Анализ работ позволяет говорить о том, что существуют две основные линии эколингвистических исследований; их можно условно назвать подход Э. Хаугена (метафорический перенос на язык экологических понятий) и подход М. Халлидэя (языки и тексты исследуются с точки зрения их экологичности для человека). Для нашей статьи наиболее релевантной является классификация эколингвистических подходов, предложенная в статье С. В. Стеффенсена и А. Филла [1]. Сначала приведем краткий обзор лишь тех подходов этой классификации, которые актуальны для топонимических исследований в аспекте эколингвистики. Далее последовательно будут рассмотрены данные региональной топонимики исследований по пунктам классификации.

1. *Символическая экология языка.* Отличительной чертой исследований в этой области является стремление изучать язык в некоторой среде. Понятие «среда» включает в себя окружение, состоящее из других языков, а также общества, пользующегося языком. Это направление претендует на научное объяснение интеракций, происходящих между символическими сущностями: взаимодействие языка с другими языками, взаимодействие языка с обществом, которое пользуется языком как одним из своих кодов. Считается, что экология языка детерминируется его носителями. В этом

состоят социальные и психологические стороны языковой экологии.

В рамках символической экологии отчетливо выступает тенденция заниматься вопросами сохранения языков и языкового многообразия. Показательным является метафорическое использование определенных понятий по отношению к языку: рассматриваются разные стадии развития языков от возникновения до смерти, выживание языка, его приспособление к меняющимся условиям среды, языковые мутации. Языку приписываются и другие «характерные для организмов черты — например, такие, как интенциональность и адаптивная пластичность» [15, с. 93]. В специальной литературе рекомендуются называть такие исследования экологией языка, а не эколингвистикой [1, р. 8].

В символической экологии языка выделяются два аспекта — интерлингвальный и интралингвальный. В рамках первого аспекта, пишет С. В. Ионова [13, с. 90], обсуждаются такие темы, как среда обитания отдельного этнического языка, угроза исчезновения языков и уменьшения лингвистического разнообразия языков мира. Корни интралингвального аспекта экологии языка лежат в области исследований различных факторов, ведущих к обеднению и регрессу языка. Действия ученых направлены на устранение негативных тенденций в использовании языка.

2. *Естественная экология языка.* Данный подход основывается на том, что, независимо от различий во взглядах на природу языка, общепризнанным является то, что язык существует в материальном мире. Внимание исследователей акцентируется на том, как язык вписан

в контекст природных экосистем, включая климат, топографию, фауну, флору. Актуальны две точки зрения на соответствующую проблематику, заключающиеся в том, чтобы исследовать то, как естественные явления интегрированы в язык и культуру, и то, как язык влияет на естественные явления окружающей среды.

В рамках этого подхода ведутся обширные исследования по дискурсивному анализу, экологии грамматики, маркерам экологического кризиса в разных текстах и дискурсах, антропоцентризму словарей [16–18].

3. *Социокультурная экология языка.* Этот подход исследует то, как язык связан с социальными и культурными ресурсами, формирующими условия говорящего на языке человека и языковых сообществ в целом. Основная идея этого подхода состоит в том, что языковая интеракция конституирует и конституируется большим числом социальных и общественных структур, таких, например, как экономика и иные социальные институты. Этот подход в большой степени связан с вопросами прикладной лингвистики, социалингвистики, конверсационным анализом, дискурсивным анализом. Примеры работ в рамках этого подхода представлены публикациями М. Халлидэя, ван Лира, Дж. Расжашек-Леонарди [19–21].

4. *Когнитивная экология языка.* В группе исследований этого подхода анализируется то, каким образом язык способствует динамике между биологическими организмами и их окружением, рассматриваются когнитивные способности, которые обеспечивают адаптивное и гибкое поведение организмов. Язык рассматривается как составляющая ког-

нитивной среды. Можно сказать, что в сферу интересов рассматриваемого подхода в значительной степени входят исследования в рамках социальных систем. К этому подходу относятся идеи теории распределенного языка, представленной в научных работах С. Коули, А. В. Кравченко, Б. Ходжеса [22–24].

Топонимика Прибайкалья в эколингвистических исследованиях

Обратимся к исследованиям топонимии в проекции на вышеуказанный научный контекст. Большой интерес представляет топонимическая лексика Прибайкалья в *символической экологии языка*, а именно, в интерлингвальном аспекте. Известно, что топонимия этой территории формировалась при взаимовлиянии разных языков. Новые народности, в разные времена заселявшие эту местность, вносили изменения в существовавшую до них топонимию региона. На территории современного Прибайкалья существуют топонимы, установить происхождение и этническую принадлежность которых весьма затруднительно, например, *Сибирь, Олекма, Ербогачен, Арахлей*. Однако значительную часть топонимов можно идентифицировать и установить их принадлежность эвенкийскому, тюркскому, палеоазиатскому, самодийскому, бурятскому, русскому и другим языкам.

Таким образом, были выявлены соответствующие стратиграфические пласты географических имен собственных. Авторы, например, У.-Ж. Ш. Дондуков, приводят множество примеров с тюркскими корнями [25]. И. Д. Буреав утверждает, что из иноязычных компонентов Буря-

тии наибольшее распространение получили названия, восходящие к эвенкийскому языку [26]. При использовании сравнительно-сопоставительного анализа эвенкийских апеллятивов и селькупских диалектных слов Р. Г. Жамсарановой удается обнаружить общее начало с лексемами тюркского языка [27, с. 142–143], исследовательница также выявляет терминологические параллели в бурятском, монгольском, эвенкийском, якутском и тюркском языках [28]. Прослеживая явление лингвистической конвергенции в старомонгольских лингвистических терминах, Е. Ч. Дыжитова делает вывод о сближении отдельных языков на территории Циркумбайкалья, их смешении и ассимиляции, где один из языков выступает в качестве субстрата [29, с. 30].

Анализ работ по данному направлению показывает, что регион Восточной Сибири, Прибайкалья, Забайкалья представляет область наложения географических названий различного языкового происхождения.

Ниже приведены примеры топонимов Прибайкалья, относящихся к различным пластам топонимической лексики.

Топонимы эвенкийского происхождения. Отличительными признаками, географических названий эвенкийского происхождения являются различные суффиксы и частицы. Укажем эти топонимы:

– *Ангара* — *Ангаркан*, *Витим* — *Витимкан*, *Чита* — *Читкан* (-кан, -кэн — суффиксы уменьшительной формы);

– *Биранга*, *Бирандя* («*Большая речка*»), *Киренга*, *Катанга*, *Орлинга*, *Каренга*, *Хапчеранга*, *Акшанга*

(-нга, -ндя — суффиксы почтительного отношения, увеличительной формы);

– *Дэткэн* («*болото*») — *Дэткэчен* («*болотишко*»), -чан, -чон, -чэн являются суффиксами пренебрежительности;

– *Давакит* (*дава* — «*перевал*», *Давакит* — «*место перевала*»), *Анамкит* (*анам* — «*лось*», *Анамкит* — «*место охоты на лося или река, где бывают лоси*»), *Горкит* (*гори* — «*линька гусей*», *Горкит* — «*место гусиной линьки*»), *Оллокит* (*олло* — «*рыба*», *Оллокит* — «*рыбное место*». В данных примерах суффикс -кит обозначает место действия.

Топонимы бурятского происхождения имеют большое распространение на территории Иркутской области и Забайкальского края. Характерным признаком бурятских географических названий является наличие в них:

– бурятских нарицательных терминов *гол* — «*река*», «*долина*», *усун* (*угун*) — «*вода*», *нур* (*нор*) — «*озеро*», *булаг* — «*родник*», *дабан* — «*перевал*», *жалга* — «*овраг*» и т. п., например, *Алтан-Булаг*, *Жалгай*, *Хамар-Дабан*;

– прилагательных *цаган* — «*белый*», *хара* — «*черный*», *шара* — «*желтый*», *баруун* — «*правый*», *зуун* — «*левый*», например, *Зуун-Хагун*, *Цаган-Тырма*, *Цаган-Хушун*, *Шаражалгай*, *Хара-Мурин*;

– суффиксов и окончаний -та, -тэ, -то, -тай, -той; -хан, -хэн, -хон; -гар, -гэр, -гор и др., например, *Захатай*, *Утата*.

Топонимы коттского происхождения встречаются на западе Иркутской области, в бассейне реки Бирюсы и имеют названия с окончанием

на *-шет*, *-чет* («река», «вода»). Например, *Тайшет*, *Туманшет*, *Алгашет*, *Камышет*, *Акульшет*, *Ингашет*, *Черманчет*, *Чивильчет*, *Черенгачет*, *Шегашет*, *Полинчет*, *Саранчет*, *Черчет* и другие.

Для ассанских и арийских топонимов характерны топоформанты *-ул* («река») и *-кул* («река», «вода»). Топонимы этой группы sporadически распространены на Юго-Западе Прибайкалья и достигают берегов Байкала. Примеры: *Безул*, *Карбул*, *Кармакул*.

Топонимы тюркоязычного происхождения в географических названиях Прибайкалья ученые рассматривают как очень древние, сохранившиеся от домонгольского периода. Характерными топонимобразующими основами географических названий этого типа являются *бай* («богатый», «большой») и *кай* (*хай*) («скала, утес, гора»). Приведем некоторые примеры тюркоязычных названий Прибайкалья: *Байтаг*, *Байгыр*, *Байтал*, *Байда*, *Ташкай*, *Комкай*, *Атхай*, *Хайгор*. Тюркскими являются названия: *Каштак*, *Култук*, *Кая*, *Кутулик*.

Русские географические названия на территории Прибайкалья являются новым элементом, наславившимся на более старую топонимию. Они возникали постепенно и относятся к периоду освоения территории Сибири русскими переселенцами. При этом характерной особенностью топонимикона Прибайкалья является сосуществование лексем, относящихся к различным пластам топонимической лексики, с русскоязычными названиями. Этому есть историческое объяснение, состоящее в том, что процесс присоединения Бурятии к России был

относительно мирным [9, с. 42–43]. В отличие, например, от некоторых районов Австралии и Америки, где, как отмечает А. З. Козин, процесс колонизации привел к почти полному искоренению топонимии, в рассматриваемом регионе сохранились названия, принадлежащие древним племенам [7, с. 5]. Эта особенность объясняет то, что русскоязычные названия возникали постепенно, по мере освоения и заселения необжитых или слабо населенных территорий, вследствие чего все крупные географически реалии имеют, как правило, нерусские названия. Эвенкийские, якутские, тывинские, бурятские, юкагирские топонимы представлены в названиях рек, озер, гор, падей, хребтов и других крупных географических объектов, например, *Байкал*, *Инциган*, *Кая*, *Тайшет*, *Хаим*, *Селенга*, *Захатай*, *Усутай*, *Аргалей*, *Бильчир*, *Иркилик*, *Кика*, *Кома* и др.

Т. В. Федотова также отмечает, что собственно русские названия имеют небольшие географические объекты, а также те, которые до прихода русских были безымянными или имели неустойчивые названия, например, поселения пашенных крестьян, которые получали личноименные названия [30, с. 257]. Более поздний славянский пласт названий представлен в названиях населенных пунктов, таких, как, *Еловка*, *Золотой ключ*, *Карымск*, *Зырянск*, *Таловка*, *Мостовка*, *Черемушки*. Специальные и искусственные названия, связанные с человеком и его деятельностью, также имеют русские наименования, например, *Сад Томсона*, *Иннокентьевский мост*, *роща «Звездочка»*, *Парк имени Парижской Коммуны*. В качестве примеров русских географических на-

званий на территории Прибайкалья приведем следующие отанторопонимы: *Бурдуково, Батурино, Жига-лово, Ильинка, Костромина*.

Накопившийся массив знаний о топонимии Прибайкалья, представляет собой ценный материал для дальнейших обобщений в аспекте экологии языка. Как видим, в исследованиях эксплицируется идея сосуществования языков и их взаимодействия в рамках конкретной географической области. Древние названия, продолжающие активно функционировать на территории современного региона, представляют собой бесспорную значимость в этом направлении. Представленный выше материал иллюстрирует наличие определенных параллелей между языками в региональной топонимии, а также дает основания обнаружить более слабые и более сильные языковые компоненты.

Укажем на плодотворность изучения региональной топонимии в аспекте *естественной экологии языка*, где особый интерес представляют топонимические апеллятивы, относящиеся к различным категориям. Ученые сходятся во мнении о том, что топонимы Прибайкалья содержат апеллятивы, отражающие ландшафтную характеристику того или иного объекта — горы, необычные скалы, водоемы, источники с лечебными и магическими свойствами, деревья, пещеры. По наблюдениям М. Н. Мельхеева, происхождение и семантика бурятских географических названий более всего связаны с географическими чертами и особенностями местности или называемого объекта, с некоторыми яркими историческими событиями и редко с личными именами [31, с. 183]. Осо-

бым статусом обладают различные вершины окружающего ландшафта. При этом, например, названиям гор бурят-монгольского происхождения свойственно содержание компонентов, которые обозначают такие объекты, как «*гора, высота, груда, холм, голова, перевал, седой, скала, мыс, пологое всхолмление, камень, глыба возвышенность*» [32, с. 34]. Например, *Боро-Губоо, Хужартын-Обоо, Сокто-Уула, Зутхэлин-Дабан (Зутхелинский перевал)*.

Как отмечает С.-Х. Д. Сыртыпова, в географических названиях находят отражение религиозно-мифологические воззрения насельников. Для таких названий характерно содержание гонорифических эпитетов, например, *баян — «богатый», буурал — «седой», сагаан — «белый», хонгор — «добрый», а также специфических приставок, напрмер, хан — «царь», хатан — «царица», эжи — «мать», хайран — «милостивый», баабай — «батюшка»*. При этом исследовательница выявляет некоторые закономерности дистрибутивного характера. Например, эпитет *хан* имеют в своем составе объекты высокого статуса доминирующие среди других локальных объектов, эпитет *баабай* характерен для местностей с богатой шаманской традицией, приставка *хайран* встречается только в западно-монгольских регионах и Бурятии [33, с. 139–140].

Многие исследователи описывают в составе географических названий компонент хозяйственной деятельности, посредством которого можно увидеть щадящее использование природных ресурсов с точки зрения современного человека. Это проявляется в отмечае-

мой М. Н. Мельхеевым «подробной детализации географической номенклатуры», когда местности, минимально отличающиеся от других микрорельефом, растительностью, и другими особенностями, получали свое название [9, с. 16]. Например, Д. Д. Нимаев, изучая микротопонимию Селенгинского района Бурятии, приводит такие названия, как *Галуута* — «имеющая гусей», *Загастай* — «рыбная», *Хушата* — «кедровая» и показывает важность небольших и отдаленных участков для коренного населения местности [34, с. 136]. Приведем примеры топонимов Прибайкалья, относящихся к этой группе: гидронимы *Турка* (от звенкийского *турку* — «омуль», «омулевое место»), и *Ара-Хураг* (от бурятского *хара-хура* — «тетерев-косач»), ойконимы *Ангыр* (от бурятского *ангир* — «турпан», птица, водившаяся в этих местах) и *Инциган* (от бурятского *инзаган* — «местность, где водятся дикие козы»). В целом, научные изыскания показывают, что подробная микротопонимия местности свидетельствует о степени глубины освоения природного пространства населением.

Исследованный онимический материал показывает, что номинация географических объектов региона нерусского происхождения преимущественно имеет онтологическую природу: «вода», «гора», «земля», а также связана с бытовыми ценностями, хозяйственной деятельностью (скотоводство, рыболовство), некоторыми историческими событиями.

Следующие два направления лингвоэкологических исследований, в интерпретации С. В. Стеффенсена и А. Филла, — это *социокультурная экология языка и когнитивная*

экология языка. Формат статьи не позволяет в полной мере охватить исследования топонимической картины Прибайкалья в проекции на эти два направления. Однако можно констатировать, что ученые, занимающиеся топонимикой, единогласны в том, что топонимии свойственна системность. В качестве подтверждения того, что системность трактуется как неотъемлемое свойство топонимии любого региона, приведем несколько цитат: «...Топонимическая система — это территориально организованный набор топооснов, топоформантов, а также способов их соединения друг с другом» [35, с. 108]; «...топонимические системы складываются везде, где живут люди-носители культуры. Своей символическо-смысловой составляющей топонимические системы формируют географический образ территории» [36, с. 145]; «...всякая топонимическая система существует не только как совокупность названий на карте, в списке, но и в сознании отдельных жителей, как индивидуальном, так и коллективном» [37, с. 126].

Проецируя системность топонимии на научные сферы социокультурной экологии языка и когнитивной экологии, можно сделать вывод о том, что географические названия представляют собой и часть системы языка, и часть лингвистического сообщества. Это означает, что тополексеми любого региона могут быть подвержены специальному исследованию, будучи погружены в ту или иную научную парадигму. При этом топосистема является некоторым теоретическим конструктом, с помощью которого можно выявлять лингвистические и внелингвистические факторы, группирующие со-

ответствующую лексику в один ряд или систему для функционирования в ней. Другой особенностью топонимической системы как теоретического и методологического конструкта является то, что соответствующую лексику возможно изучать с точки зрения благоприятных и неблагоприятных факторов функционирования самой системы.

Например, в исследовании Е. Г. Сидоровой рассматриваются противоречия между языком как системой и коммуникативными и прагматическими потребностями людей. Одним из таких противоречий ученый считает «противоречие между предполагаемой уникальностью топонимического пространства и стандартностью топонима» [38, с. 158–159]. Автор отмечает, что факт наличия совпадающих названий не способствует уникальности топонимического пространства региона и приводит данные о том, что, например, наименование *Александровск* в настоящее время в России носят 217 деревень, 23 поселка, 101 село, 1 слобода и 8 хуторов.

Если рассматривать приведенные выше данные работ топонимистов, то можно констатировать, что Прибайкалье является уникальным регионом по критерию стандартности топонимов. М. Н. Мельхеев отмечает, что «все географические названия нерусского происхождения в современной официальной географической номенклатуре Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей сохранились с того времени, когда их впервые в истории зафиксировали русские землепроходцы Сибири» [31, с. 183]. Степень совпадения географических наименований нерусского происхождения с назва-

ниями других регионов очень мала. При этом топонимы, относящиеся к разным пластам топонимической лексики, в том числе и древней, продолжают активно использоваться на территории Прибайкалья.

Выводы и обобщения. В данной статье мы попытались осветить исследования топонимикона Прибайкалья в проекции на область эколингвистики. Сделаем некоторые обобщения и предложим стратегию исследований в этом ключе. Основным выводом статьи заключается в том, что региональные топонимы представляют собой экологически значимый лингвистический объект.

В исследованиях топонимии Прибайкалья эксплицируются некоторые представления *символической экологии языка*, а именно, идея о сосуществовании языков и об их взаимодействии в рамках конкретной географической области. Данный аспект топонимических исследований соотносится с интерлингвальным аспектом экологии языка. Языковеды давно говорят о необходимости четкой языковой политики в сфере географических названий. Нельзя сказать, что топонимическое пространство Прибайкалья подвергается сколько-нибудь значительным изменениям, однако скоординированные и продуманные мероприятия по сохранению лингвистического наследия в виде уникальных географических названий будут способствовать экологичности языка, поскольку таким образом можно поддерживать необходимый баланс между системой языка и потребностями языковой практики.

Анализ топонимического материала показывает, что названия,

отражающие естественные географические объекты, относятся к языку народов, проживавших на более раннем этапе истории региона. Специальные или искусственные названия, а также многочисленные отантопонимы русскоязычного происхождения хронологически являются более поздними и относятся к лексике, связанной с человеком и его деятельностью. Это требуют тщательной научной рефлексии в аспекте *естественной экологии языка*.

Анализ работ ученых-топонимистов показывает, что все более популярной темой становится социальный аспект исследования топонимов в контексте общественно-языковой практики. Считаем, что понятие топонимической системы методологи-

чески и концептуально совместимо с понятием социальной системы и может быть использовано в качестве методологического конструкта для исследования региональных топонимов в рамках *социокультурной когнитивной экологии языка*.

В дальнейшем находим перспективным обсуждение таких вопросов, как экологическая оценка топонимов, выявление критериев экологичности топонимов и факторов нарушения последней, экология топонимического пространства того или иного региона с точки зрения коммуникативных потребностей членов социума. Эти вопросы должны входить в круг проблем для обсуждения современного состояния экологии медиасреды в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Steffensen S. V. Ecolinguistics: the state of the art and future horizons / S. V. Steffensen, A. Fill // *Language Sciences*. — 2014. — Vol. 41. — P. 6–25. — DOI: 10.1016/j.langsci.2013.08.003.
2. Суховерхов А. В. Современные тенденции в развитии эколингвистики / А. В. Суховерхов // *Язык и культура*. — 2014. — № 3. — С. 166–175.
3. Карпенко Ю. А. О синхронической топонимике / Ю. А. Карпенко // *Принципы топонимики* / ред.: В. А. Никонова, О. Н. Трубачева. — М., 1964. — С. 45–57.
4. Рыжов А. В. Язык как показатель принадлежности к культурной среде / А. В. Рыжов // *Аналитика культурологи*. — 2005. — № 4. — С. 168–173.
5. Перфильева Н. В. Информационный компонент топонимов Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде / Н. В. Перфильева, Н. В. Новоспаская, Ф. Да Сильва // *Вопросы теории и практики журналистики*. — 2017. — Т. 6, № 2. — С. 189–203. — DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).189-203.
6. Балабанов В. Ф. В дебрях названий / В. Ф. Балабанов. — 2-е изд. — Чита : Экспресс-издательство, 2006. — 104 с.
7. Козин А. З. Имена из глубины веков. Топонимика Прибайкалья / А. З. Козин. — Иркутск, 2008. — 152 с.
8. Куликов Б. С. О происхождении названий и времени основания городов и поселков Читинской области / Б. С. Куликов, В. Ф. Балабанов // *Забайкальский краеведческий ежегодник*. — 1957. — № 1. — С. 78.
9. Мельхеев М. Н. Географические названия Восточной Сибири, Иркутской и Читинской областей / М. Н. Мельхеев. — Иркутск : Вост-Сиб. кн. изд-во, 1969. — 120 с.
10. Руденко Ю. Т. «Бурятский бог» / Ю. Т. Руденко // *Лингвистическое краеведение Забайкалья* : сб. материалов регион. науч.-практ. конф. — Чита, 1998. — С. 35–39.
11. Шулунова Л. В. Ономастика Прибайкалья / Л. В. Шулунова. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1995. — 207 с.
12. Балданжапов П. Б. Заметки о топонимике Забайкалья / П. Б. Балданжапов // *Этнографический сборник*. — Улан-Удэ, 1960. — Вып. 1. — С. 26–39.

13. Ионова С. В. Основные направления эколлингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2010. — № 1(11). — С. 86–93.
14. Alexander R. From the analysis of ecological discourse to the ecological analysis of discourse / R. Alexander, A. Stibbe // *Language Sciences*. — 2014. — Vol. 41. — P. 104–110. — DOI: 10.1016/j.langsci.2013.08.011.
15. Кравченко А. В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику / А. В. Кравченко // *Экология языка и коммуникативная практика*. — 2014. — № 2. — С. 90–99.
16. Субетто А. И. Сочинения. В 13 т. Т. 3. Ноосферизм. Россия в XXI веке в контексте действия ноосферного и социалистического императивов / А. И. Субетто ; под ред. Л. А. Зеленова. — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. — 482 с.
17. Alexander R. J. How the anti-green movement and its 'friends' use language to construct the world / R. J. Alexander // *Language, Signs and Nature, Ecolinguistic Dimensions of Environmental Discourse* / eds.: M. Doring, H. Penz, W. Trampe. — Stauffenburg, Tübingen, 2008. — P. 127–142.
18. Heuberger R. Anthropocentrism in monolingual English dictionaries. An ecolinguistic approach to the lexicographic treatment of faunal terminology / R. Heuberger // *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*. — 2003. — Vol. 28, no. 1. — P. 93–105.
19. Halliday M. A. K. Applied linguistics as an evolving theme / M. A. K. Halliday // *Language and Education* / ed. J. Webster. — London : Continuum, 2007. — P. 1–19.
20. Lier L. van An ecological-semiotic perspective on language and linguistics / L. van Lier // *Language Acquisition and Socialization. Ecological Perspectives* / ed. C. Kramsch. — London : Continuum, 2002. — P. 140–164.
21. Raczaszek-Leonardi J. Symbols as constraints. The Structuring Role of Dynamics and Self-Organization in Natural Language / J. Raczaszek-Leonardi // *Pragmatics and Cognition*. — 2009. — Vol. 17, no. 3. — P. 653–676.
22. Cowley S. J. Distributed language / S. J. Cowley // *Distributed Language*. — Amsterdam : John Benjamins. — 2011. — P. 1–14.
23. Hodges B. H. Righting language: the view from ecological psychology / B. H. Hodges // *Language Sciences*. — 2014. — No. 41. — P. 93–103.
24. Kravchenko A. V. Essential properties of language, or, why language is not a code / A. V. Kravchenko // *Language Sciences*. — 2007. — Vol. 29, no 5. — P. 650–671.
25. Дондуков У.-Ж. Ш. Этимологические разыскания названий топонимов и гидронимов Тугнуйской долины, связанных с историей аборигенов края / У. - Ж. Ш. Дондуков // *Исследования по ономастике Прибайкалья*. — Улан-Удэ, 1990. — С. 90–97.
26. Бураев И. Д. Эвенкийские топонимы в бурятском языке / И. Д. Бураев // *Исследования по ономастике Прибайкалья*. — Улан-Удэ, 1990. — С. 3–8.
27. Жамсаранова Р. Г. Явления конвергенции и трансференции в лексике бурятского и селькупского языков / Р. Г. Жамсаранова // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. — 2011. — Вып. 3. — С. 140–147.
28. Жамсаранова Р. Г. Топонимия Восточного Забайкалья : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Р. Г. Жамсаранова. — Улан-Удэ, 2002. — 157 с.
29. Дыжитова Е. Ч. Экология топонимов: названия улусов Хоринской степной думы 1897 года / Е. Ч. Дыжитова // *Язык и культура*. — 2016. — № 21. — С. 26–31.
30. Федотова Т. В. Адаптация иноязычных топонимов русскими первопоселенцами в период освоения Восточного Забайкалья / Т. В. Федотова // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. — 2007. — № 6. — С. 256–259.
31. Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии : история, система и происхождение географических названий / М. Н. Мельхеев. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1969. — 185 с.
32. Бальжинимаева Ц. Ц. Синтаксические структуры топонимов Аги / Ц. Ц. Бальжинимаева // *Исследования по ономастике Прибайкалья*. — Улан-Удэ, 1990. — С. 32–37.
33. Сыртыпова С.-Х. Д. Топонимия сакральных объектов Байкальского региона / С.-Х. Д. Сыртыпова // *Этнографическое обозрение*. — 2008. — № 4. — С. 137–150.

34. Нимаев Д. Д. Микротопонимия Селенгинского района / Д. Д. Нимаев // Быт бурят в настоящем и прошлом / ред. К. Д. Басаева. — Улан-Удэ, 1980. — С. 132–138.

35. Суперанская А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская — М. : Наука, 1985. — 182 с.

36. Оберюхтина Т. Е. Топонимическая система региона : взгляд географа / Т. Е. Оберюхтина // Современные исследования природных и социально-экономических систем. Инновационные процессы и проблемы развития естественно-научного образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 2014. — С. 144–148.

37. Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая) / Л. М. Дмитриева. — Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2002. — 254 с.

38. Сидорова Е. Г. Лингвоэкологические проблемы топонимического пространства региона / Е. Г. Сидорова // Экология языка и коммуникативная практика. — 2015. — № 2. — С. 157–166.

REFERENCES

1. Steffensen S. V. Ecolinguistics: the state of the art and future horizons. *Language Sciences*, 2014, vol. 41, pp. 6–25. DOI: 10.1016/j.langsci.2013.08.003.

2. Sukhoverkhov A. V. Current trends and developments in ecolinguistics. *Yazyk i kul'tura = Language and culture*, 2014, no. 3, pp. 166–175. (In Russian).

3. Karpenko Yu. A. On Synchronic Toponymics. In Nikonova V. A., Trubacheva O. N. (eds). *Printsipy toponimiki* [Principles of Toponymics]. Moscow, 1964, pp. 45–57. (In Russian).

4. Ryzhov A. V. Language as a marker of cultural identity. *Analitika kul'turologi = Cultural Analytics*, 2005, no. 4, pp. 168–173. (In Russian).

5. Perfilieva N. V., Novospasskaya N. V., Da Silva F. The Information Component of Toponyms' of Guinea-Bissau and Cape Verde. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 189–203. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).189-203. (In Russian).

6. Balabanov V. F. *V debryakh nazvanii* [In the “wilds” of proper names]. 2nd ed. Chita, Ekspres Publisher, 2006. 104 p.

7. Kozin A. Z. *Imena iz glubiny vekov. Toponimika Pribaikal'ya* [Proper names from the depths of the centuries. Toponymics of the Baikal Region]. Irkutsk, 2008. 152 p.

8. Kulikov B. S., Balabanov V. F. On the origins of the names of towns and villages of the Chita Region and the time of their foundation. *Zabaikal'skii kraevedcheskii ezhegodnik = Transbaikal Regional Yearbook*, 1957, no. 1, pp. 78. (In Russian).

9. Mel'kheev M. N. *Geograficheskie nazvaniya Vostochnoi Sibiri, Irkutskoi i Chitinskoi oblastei* [Geographical names of Eastern Siberia, the Irkutsk and Chita Regions]. Irkutsk, East-Siberian Book Publisher, 1969. 120 p.

10. Rudenko Yu. T. Buryat God. *Lingvisticheskoe kraevedenie Zabaikal'ya. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Linguistic regional studies of the Transbaikal Region. Proceedings of the 1998 regional scientific conference]. Chita, 1998, pp. 35–39. (In Russian).

11. Shulunova L. V. *Onomastika Pribaikal'ya* [Onomastics of the Baikal Region]. Ulan-Ude, Buryat book publisher, 1995. 207 p.

12. Baldanzhapov P. B. Essays on the Transbaikal Region Toponymics. *Etnograficheskii sbornik* [Ethnographic collection of works]. Ulan-Ude, 1960, vol. 1, pp. 26–39. (In Russian).

13. Ionova S. V. Basic course of ecolinguistic studies: foreign and domestic experience. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2010, no. 1, pp. 86–93. (In Russian).

14. Alexander R., Stibbe A. From the analysis of ecological discourse to the ecological analysis of discourse. *Language Sciences*, 2014, vol. 41, pp. 104–110. DOI: 10.1016/j.langsci.2013.08.011.

15. Kravchenko A. V. Two views on the ecology of language and ecolinguistics. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika = Ecology of Language and Communicative Practice*, 2014, no. 2, pp. 90–99. (In Russian).

16. Subetto A. I. ; Zelenov L. A. (ed.). *Sochineniya. Noosferizm. Rossiya v XXI veke v kontekste deistviya noosfernogo i sotsialisticheskogo imperativov* [Writings. Noospherism. Russia in the 21st century in the context of the influence of noospheric and socialistic imperatives]. Kostroma State University Publ., 2006. 482 p.

17. Alexander R. J. How the anti-green movement and its 'friends' use language to construct the world. In Doring M., Penz H., Trampe W. (eds). *Language, Signs and Nature, Ecolinguistic Dimensions of Environmental Discourse*. Stauffenburg, Tübingen, 2008, pp. 127–142.

18. Heuberger R. Anthropocentrism in monolingual English dictionaries. An ecolinguistic approach to the lexicographic treatment of faunal terminology. *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*, 2003, vol. 28, no. 1, pp. 93–105.

19. Halliday M. A. K. Applied linguistics as an evolving theme. In Webster J. (ed.). *Language and Education*. London, Continuum, 2007, pp. 1–19.

20. Lier L. van An ecological-semiotic perspective on language and linguistics. In Kramsch C. (ed.). *Language Acquisition and Socialization. Ecological Perspectives*. London, Continuum, 2002, pp. 140–164.

21. Raczaszek-Leonardi J. Symbols as constraints. The Structuring Role of Dynamics and Self-Organization in Natural Language. *Pragmatics and Cognition*, 2009, vol. 17, no. 3, pp. 653–676.

22. Cowley S. J. Distributed language. *Distributed Language*. Amsterdam, John Benjamins, 2011, pp. 1–14.

23. Hodges B. H. Righting language: the view from ecological psychology. *Language Sciences*, 2014, no. 41, pp. 93–103.

24. Kravchenko A. V. Essential properties of language, or, why language is not a code. *Language Sciences*, 2007, vol. 29, no 5, pp. 650–671.

25. Dondukov U.-Zh. Sh. Etymological study of toponyms and hydronyms of Tugnuyskaya valley related to the aboriginal history. *Issledovaniya po onomastike Pribaikal'ya* [Research into Onomastics of the Baikal Region]. Ulan-Ude, 1990, pp. 90–97. (In Russian).

26. Buraev I. D. Evenki toponyms in the Buryat language. *Issledovaniya po onomastike Pribaikal'ya* [Research into Onomastics of the Baikal Region]. Ulan-Ude, 1990, pp. 3–8. (In Russian).

27. Zhamsaranova R. G. The linguistic phenomena of convergence and transference in the word stock of Buryat and Selkup languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, vol. 3, pp. 140–147. (In Russian).

28. Zhamsaranova R. G. *Toponimiya Vostochnogo Zabaikal'ya. Kand. Diss.* [Toponymy of the Eastern Transbaikalian Region. Cand. Diss.]. Ulan-Ude, 2002. 157 p.

29. Dyzhitova E. Ch. Ecology of toponyms: names of uluses of the 1897 Khorinsk Steppe Duma. *Yazyk i kul'tura = Language and culture*, 2016, no. 21, pp. 26–31. (In Russian).

30. Fedotova T. V. Adaptation of borrowed place-names by the first Russian settlers in East Transbaikalia. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2007, no. 6, pp. 256–259. (In Russian).

31. Mel'kheev M. N. *Toponimika Buryatii : istoriya, sistema i proiskhozhdenie geograficheskikh nazvaniy* [Toponymics of Buryatia: history, system and origins of geographical names]. Ulan-Ude, Buryat book publisher, 1969. 185 p.

32. Bal'zhinimaeva Ts. Ts. Syntactic structures of Aga toponyms. *Issledovaniya po onomastike Pribaikal'ya* [Research into Onomastics of the Baikal Region]. Ulan-Ude, 1990, pp. 32–37. (In Russian).

33. Syrtypova S.-Kh. D. Toponymy of sacral objects of the Baikal Region. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Survey*, 2008, no. 4, pp. 137–150. (In Russian).

34. Nimaev D. D. Microtoponymy of the Selenga Region. In Basaeva K. D. (ed.). *Byt buryat v nastoyashchem i proshlom* [The Buryats' everyday life now and in the past] Ulan-Ude, 1980, pp. 132–138. (In Russian).

35. Superanskaya A. V. *Chto takoe toponimika?* [What is Toponymics?]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 182 p.

36. Oberyukhtina T. E. Toponymic system of the region from the point of view a geographer. *Sovremennye issledovaniya prirodnikh i sotsial'no-ekonomicheskikh sistem. Innovatsi-*

onnye protsessy i problemy razvitiya estestvenno-nauchnogo obrazovaniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Modern research into natural and social-economic systems. Innovative processes and issues of developing scientific education. Materials of International Research Conference]. Ekaterinburg, 2014, pp. 144–148. (In Russian).

37. Dmitriyeva L. M. *Ontologicheskoye i mental'noye bytiye toponimicheskoy sistemy (na materiale russkoy toponimii Altaya)* [The Ontological and Mental Being of a Toponymic System (with reference to the Russian Toponymy of Altai)]. Barnaul, Altai state university Publ., 2002. 254 p.

38. Sidorova E. G. Lingua-ecological problems of toponimic space of a region. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika = Ecology of Language and Communicative Practice*, 2015, no. 2, pp. 157–166. (In Russian).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бареебина Н. С. Лингвозкологический аспект исследования топонимической лексики Прибайкалья / Н. С. Бареебина // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7, № 3. — С. 429–443. — DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).429-443.

FOR CITATION

Barebina N. S. Linguoecological Aspect of Studying the Toponymic Lexis of the Baikal Region. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2018, vol. 7, no. 3, pp. 429–443. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).429-443. (In Russian).